
Александр А. Сальников
Ветлуга
поёт
о вечном
Том 4

Александр Сальников

Ветлуга поёт о вечном (Том 4)

«Автор»
2026

Сальников А. А.

Ветлуга поёт о вечном (Том 4) / А. А. Сальников — «Автор», 2026

В четвёртом томе поэмы "Ветлуга поёт о вечном" публикуется четвёртая из восьми частей поэмы. Поэма рассказывает об истории Великого Поветлужья и распространении христианства на средневековой Руси.

© Сальников А. А., 2026
© Автор, 2026

Александр Сальников
Ветлуга поёт о вечном (Том 4)

Часть четвёртая

Берега святых станов

«…и узнают, что Я Господь.
Так как он говорит:
«моя река, и я создал ее…»»
(Иезекииль 29:9)

1. Богатство неземное

День был ясен и светел, и пахло весной.
Снег на солнце блестел как алмазный песок.
Ехал в дровнях мужик по Ветлуге-реке.
И скрипели полозья на ярком снегу,
И бежала лошадка привычной трусцой.
На лошадке слегка колокольчик звенел,
Однозвучный привычный мотив выводя.
И под тот однозвучный и грустный мотив
Пел мужик свою песню о горькой судьбе.
Вдалеке над рекою увидел он крест
И к нему повернул. Видит, парень стоит
Возле проруби, рыбу таскает крючком.
Это Фёдор Шарьинец рыбачил с утра.
Тут мужик лошадёнку слегка придержал
И подъехал к нему:
– Здрав будь, мил человек!
– И тебе пусть здоровья даст Бог во все дни.
– То не стан ли Воздвиженский?
– Самый и есть.
Отвечал ему Фёдор. Мужик же спросил:
– А до Кокрина ехать ещё далеко?
– По реке-то – верст десять. А прямо – верст пять. –
Тут мужик шапку снял, почесал в голове,
Почесал в бороде и в усах, да спросил:
– А нельзя ли лошадку у вас покормить?
Нет ли сена? А то не доеду, боюсь.
– Отчего же нельзя? Заезжай, покорми.
Сено есть. И тебя, вот, ухой угостим.
– Только я ненадолго. Мне б в Кокрин успеть
Что б сегодня на рынке лошадку продать... –
Гостя встретили чинно. Покуда уха
Доходила в котле, разговор повели.
– Как же звать-то тебя?

– Звать? Безногий Фома.
– Как безногий? Ведь обе ноги у тебя…
– То у деда… безногим-то дед ещё был.
Помню, песню всё пел, как напьётся медку:
Хорошо, мол, живётся с одной-то ногой;
Обувь мало дерётся, и пара, как две,
И штанинины тоже хватает одной,
А одну издерёшь, так в другую влезай…
Дед любил посмеяться. Потом и отца
Все Безногим прозвали. Потом и меня.
Так от деда Безногими нас и зовут.
– А откуда ж ты сам?
– С Голубых Озерков.
Вниз по правому берегу. Верст двадцать пять.
– Значит, в Кокрин путь держишь? – Варнава спросил.
– В Кокрин еду. Последнюю лошадь свою
Порешил, вот, продать. Хлеба нету совсем…
– Да, – Макарий вздохнул. – Воля Бога на всё.
– Жалко деток, – Безногий Фома отвечал. –
Что ж за воля у Бога детей-то морить?
Сколько их схоронили у нас в Озерках…
– Погоди ты на Бога-то сразу пенять, –
Отвечал ему Тихон. – Он знает, поди,
Без тебя: сколько жить на земле, и кому.
Хоть и бедно, и мало пожили они,
Но зато неземное богатство их ждёт
Там, в раю. Может, Бог и не дал им пожить,
Чтобы грех не успели вкусить на земле;
Чтобы с чистой душой возвратились к нему?
Чтоб родители их, это горе приняв,
О богатстве земном не пеклись во все дни,
А к богатству небесному мысли свои
Обратили, пока ещё срок не пришёл.
В рай-то хочется всем. А достоин ли кто? –
Петька с Климом уху подавали на стол.
Фёдор молча сидел, только слушал, вникал.
Свежей рыбой он Финиста, друга, кормил.
Тут Безногий Фома почесал в голове,
Почесал в бороде и в усах, да сказал:
– Думал я и про рай. Верно ты говоришь,
Недостоин никто. Вы вот праведно тут
Проживаете, молитесь… в рай собрались.
А достойны ли вы? Не корысти ли для
И молитвы, и пост? Ведь корысть ваша – рай,
Неземное богатство да вечная жизнь!
А вокруг, посмотрите: и голод, и мор…
Разве будет спокойно вам в вашем раю,
Если здесь, на земле, дети с голода мрут?
Если будет спокойно, так значит тогда,

Не достойны вы рая! А если и там
Будет грызть вас тоска, так какой это рай? –
Все молчали. Фома почесал в голове,
В бороде и в усах, да опять говорит:
– Думал я и про рай… как уж мор-то пошёл,
Часто думал о нём. И решил я одно:
Здесь пока, на земле, не построим мы рай,
Так никто не увидит и рай в небесах.
Там пока что рай пуст. Единицы стоят
У ворот и стучатся, и просят впустить.
Но и это – корысть. Им ли в рае сидеть?
Миллионы же – ищут дорогу к нему
И не могут найти, и блуждают во тьме.
Одиноко по раю гуляет Христос
И грустит там, вверху, он о рае земном... –
Тут Варнава вздохнул тяжело и спросил:
– А ответь-ка, Фома, здесь не рай ли тебе?
Посмотри, вот уха, все мы мирно живём;
Мор прошёл стороной; и пришедших всегда
Сытно мы угощали едой и питьём…
– Здесь-то рай, это правда. А рай ли вокруг?
Вам не здесь бы сидеть, вам идти бы в народ,
Посмотреть, чем живут на святой-то Руси.
Как деревни-то мрут, как за горсть лишь зерна
Брата брат убивает! За что же нам Бог
Этот голод послал? Может, скажете вы?
Или веры другой мы? А, может, ему
Каждый день посылаем мы мало молитв?
Или праздник церковный забыли какой?
Вот, на шее-то, крест! В чём же наша вина?.. –
И Варнава сердито ему отвечал:
– А за то, что не чтите вы Бога совсем!!!
Крест на шее? А есть ли тот крест и в душе?
Соблюдаете праздники? Что ж, хорошо.
А вот будни-то чтите ли честным трудом?
Я не зря ведь спросил: здесь, мол, рай или нет?
Мало только креститься, а дела не знать!
Мало только в молитвах просить да просить,
А самим даже пальцем о палец не бить!
Разве Бог не велел жить плодами трудов?!
Или руки и ноги отсохли у вас?
Или зверь перевёлся в Ветлужских лесах?
Или птицы не стали летать над землёй?
Или вымерла рыба в Ветлуге-реке?
Или ягод, грибов не родят уж леса?
Почему же вы жили одним только днём,
Не заботясь о том, что не всё покрова?
Почему вы не делали долгий запас,
Как Иосиф велел про запас собирать

На голодные годы зерно в закрома? –
Он вздохнул тяжело, покачал головой. –
Вот за это Господь и послал нам урок…
Прежестокий урок. Чтобы помнили все,
Что у каждого тихо стоит за спиной
Его смерть. Только вы позабыли о том.
И решили, наверно, что смерть далеко.
Нет, она только ждёт, чтоб забыли о ней.
Вы же, видно, решили, что нет уж её,
Что бессмертны, что больше не нужно еду
Запасать на голодные годы вперёд,
Если мор вдруг, война, если неурожай?..
Так что Бога, мужик, ты сильней не гневи!
Неземное богатство даруется нам,
Если здесь, на земле, будем помнить о нём,
Если здесь будем праведно жить и трудом
Обеспечим достаток себе и другим.
А излишки потом хоть продай, хоть отдай.
Из достатка и Богу не малое дашь.
И в молитвах тогда уже будет звучать
Не упрёк, – благодарность за благо его!
Ты увидел здесь рай. Кто же дал нам его?
Эти руки! И дружба! И праведный труд!
Если брат готов брата убить за зерно,
В чём же Бог виноват? Не учил ли Христос
И рубаху последнюю брату отдать?
Чем же чтите вы Бога? Где ваши труды? –
И Фома замолчал. Похлебал он ухи,
Размышляя над словом Варнавы, потом
Так ответил ему:
– Хорошо ты сказал.
Кабы знать, как Иосиф, что голод придёт…
Где свободен крестьянин, там, может быть, он
И накопит чего. Ну а где подчинён,
Там боярские слуги последний овёс
На оброк заберут. Урожай или нет,
Им без разницы. Вот уж, не сеют, ни жнут,
А им голод не страшен – лишь пьют да едят.
На чужой-то живот не накопишь добра,
Хоть работай всю жизнь от зари до зари…
Так что, милый, судьба-то разнится судьбе.
Кабы знать, где упасть… только я, вот, пока
Лошадёнку последнюю еду продать.
А без лошади, что за хозяйство пойдёт?
Не пришлось бы теперь наниматься за хлеб…
– Что ж, ты видно из тех, кто хоть что-то скопил.
Если лошадь свою ты покуда не съел. –
Отвечал ему Клим. – Я вот, всех схоронил.
Побираться ходил. Сам не помер едва.

Но на Бога роптать не осмелюсь и я.
Всё во власти его. Смерть – не худшее зло.
Ничего, лошадёнку продашь, – до весны
Доживёшь, а весной всё же будет теплей… –
– Уж скорей бы весна… – согласился Фома. –
Только сеять-то нечем теперь в деревнях… –
И опять разговор их по кругу пошёл.
Вот Фома опустевшую миску свою
Отодвинул и встал, и, отвесив поклон,
Так сказал:
– Спаси Бог вас за хлеб и за соль.
Я такой-то ушицы давно не едал.
Но пора. Мне сегодня бы лошадь продать.
Так уж, может, и к вам возвращусь до темна… –
Так расстались они. И лошадка его,
Отдохнув, подкрепившись, согревшись чуть-чуть,
Веселее бежала по снежной реке.
Петька тут у Варнавы тихонько спросил:
– Объясни, брат Варнава, понять я не смог,
О каком вы богатстве вели разговор?
Неземные богатства – они в небесах? –
Улыбнулся Варнава. Ответил ему:
– В небесах, милый мальчик. И глазом земным
Их увидеть нельзя. Только – сердцем понять.
Неземные богатства надёжней земных.
Но копить начинают их здесь, на земле.
– Как же так? Объясни. –
И Варнава сказал:
– На земле что посеешь, – на небе пожнёшь.
Только тем урожаем питаться потом
Будешь вечную жизнь, а другого не жди…
– А про рай-то он как интересно сказал. –
Встрял тут Клим в разговор. – Недостоин никто!
Мол, пока на земле не построим мы рай,
Так небесного рая не стоит и ждать…
– Глупость это! – сказал всё молчавший Слепой. –
Рай не может быть пуст. Все, кто были до нас,
Все апостолы, люди святые – в раю!
Бог, поди, не глупей твоего мужика…
– Да, уж это-то верно, – опомнился Клим. –
Но и этот Безногий Фома не дурак…
– Он в одном только прав. В том, что надо бы нам
Снова к людям идти, Божье слово нести. –
Отвечал тут Макарий. Варнава сказал:
– По весне можем снова мы двинуться в путь.
Как сойдёт ледоход, так уж следом и мы,
Дальше вниз поплывём по Ветлуге-реке.
– Кто ж останется здесь? – Клим Варнаву спросил.
– Ты и будешь, – ответил Варнава ему.

– Как же я со Слепым-то? Хозяйство-то как
Одному поднимать?.. –
Тут Макарий сказал:
– Мы вам Петьку оставим в помощники. Пусть
Он для Бога послужит. Он малый с умом
И теперь православный, такой же, как мы…
– Фёдор тоже останется? – Петька спросил.
– Нет, мой друг, ты уж взрослый, и нянька тебе
Не нужна, – отвечал ему Фёдор. – Пойми,
Путешествие наше опасно. И мне
Меч придётся, возможно, не раз поднимать.
Ты же нужен нам здесь, чтобы то продолжать,
Что мы начали вместе. Останешься здесь. –
Петька сник. Спорить с Фёдором он не хотел.
Только грусть и тоска одолели его.
Он не думал никак, что останется тут,
И что Фёдор… сам Фёдор!.. не встав за него,
Ранит в самое сердце отказом своим.

2. Всемирная скорбь и божественное спасение

Ужин стали готовить, как вечер настал.
А до ужина шло всё порядком своим,
День в обычных заботах прошёл и в трудах.
Между делом ещё вспоминали Фому.
– Уж лошадку свою он, наверно, продал, –
Клим Слепому сказал. И добавил затем: –
Только много ему за неё не дадут.
– А чего так?
– Худа. Да и голод кругом. –
Только Петька с обеда ходил молчалив.
Он не плакал, хоть плакать хотелось ему.
Фёдор, видя, что парень совсем уж раскис,
Всё пытался его подбодрить. Он сказал:
– Ну, чего ты расстроился? Ты на меня
Не таи, друг, обид. Здесь ведь будет тебе
Каждый день кров и стол, и уют, и тепло…
– Мне не надо тепла. Я хочу быть с тобой. –
Отвечал ему Петька. А Фёдор опять:
– Вот чудак. Ну, пойми, я не знаю и сам
Что меня ожидает на этом пути.
Может, голод и холод придётся терпеть,
Ну а здесь будешь сыт всякий день, здесь обед…
– Мне не нужен обед. Я хочу быть с тобой.
– Вот заладил ты, право: с тобой, да с тобой...
Ну, а если погибну я в дальнем пути?
– Не погибнешь. Тебя я от смерти спасу,
Если буду с тобой. Без тебя же и сам
Я погибнуть могу. И не сможешь спасти… –

Мальчик чуть уж не плакал, внушая себе,
Что без Фёдора он всё равно не жилец.
– Вот беда! Что и делать? – Тут Фёдор вздохнул.
Он не знал, что ответить. И сам был не прочь
Взять парнишку с собой. Только он понимал,
Что и Клим со Слепым не управятся здесь.
Подошёл к ним Макарий. С улыбкой сказал:
– Ну-ка, что это, брат, за всемирная скорбь?
Разве Богу-то служат с унылым лицом?
– Оставаться не хочет, – Шарьинец сказал.
И Макарий серьёзно на то отвечал:
– Ну а мы разве в яме хотели сидеть?
Божья воля на всё. Ты ему помолись,
Он уж верно решит, оставаться тебе,
Или с нами идти. Помни только одно:
Бог не против тебя. Ты же – против себя.
А пока не тревожься. Ещё до весны
Время есть. Может что-то изменится вдруг. –
Только Петьке казалось, что времени нет,
Что уж если сегодня не перерешить,
То уж так и останется всё до весны.
И весь день Петька Бога молил об одном,
Чтобы здесь одному не остаться ему,
Чтобы с Фёдором вместе идти по реке.
И к Кресту он ходил, даже трогал его,
И молил, чтоб его не оставил Христос,
Да всё ждал, что чего-то изменится вдруг.
Изменилась погода. И солнце совсем
В тучи тёмные скрылось. Пошёл крупный снег.
А под вечер лихая метель поднялась,
Волком выла в сенях, подвывала в трубе.
Поднимала с земли свежевыпавший снег
Да по кругу, по кругу метала его.
За два шага уж было не видно ни зги.
Так и день пролетел. Так и вечер настал.
А как вечер настал, ужин встал на столе.
Только Петька не ел и отправился спать.
– Ничего, – брат Макарий сказал. – Ничего.
Попоститься немного не вредно ему.
Должен он пережить и понять… и принять…
– Он поймёт. Парень умный, – Шарьинец сказал. –
Но, по-правде, и мне бы хотелось, чтоб он
Вместе с нами пошёл. Уж привык я к нему,
Словно к брату родному. А что ему здесь?..
– До весны есть неделя. Река же пойдёт
Лишь в апреле. Даст Бог, и изменится всё. –
Отвечал инок Тихон. – Но должен же Пётр
Послушание всякое мирно принять;
Научиться смирению. Нынче весь день

Он молился, и, видимо, Бога просил,
Дать возможность ему вместе с нами пойти.
Мы ж узнаем теперь: будет благоволить
К нему Бог или нет. И увидим тогда,
Сколь любезен он Богу и где он нужней,
Здесь, в скиту, или с нами в пути, на реке.
– А Фома-то назад так и не проходил... –
Вспомнил Клим. – Уж продал ли лошадку свою?
– Может быть, возвращался тем берегом он. –
Предложил брат Варнава. – А может быть, где
Попросился метель переждать до утра.
Вон как воет. Тут запросто сбиться с пути… –
Петька лёг на постель в малой келье своей
И представил, что вот, поднялась уж река,
Опрокинула льды, к Волге их унесла;
И монахи опять собрались в свой поход,
С ними Фёдор и Финист. А Петька один
Провожает их с берега. Возле скита
Клим стоит да Слепой. Клим всё машет рукой:
К нам иди, мол, теперь с нами век проживёшь…
Горько стало мальчишке. И тут в первый раз
Дал он волю слезам. Стал молиться опять,
Чтоб помог ему Бог не остаться в скиту.
А потом вдруг подумал, что просит-то он
Только русского Бога, что, может, ему
Попросить и марийского Бога помочь?
Из двоих кто-нибудь да поможет ему.
Стал он слёзно просить у обоих богов,
Чтоб ему помогли не остаться в скиту.
Так потом и уснул Петька в келье своей
Со слезами в глазах и с молитвой в устах.
К ночи стихла метель. Из-за туч смоляных
Вышла чистая, будто из бани, луна.
Осветила снега. Всё метель прибрала,
Все дорожки и тропки, всё стало свежо:
Ни следов от людей, ни следов от зверей,
Только свежий снежок был разостлан вокруг.
Будто женщины в доме на праздник святой
Всё вокруг приберут, всё подчистят кругом.
И как будто по полу никто не ходил,
И как будто в постели никто не лежал,
И кругом чистота. Так теперь и метель
Прибрала всё вокруг и, утихнув, ушла.
Вышел Фёдор во двор, всё кругом оглядел.
Красота! С неба яркая светил луна.
Следом вышел и Клим, вывел он и слепца.
Запалил Фёдор факелы, чтоб проводить
Их обоих к избе. За ограду они
Только вышли, как слышат, в ночной тишине

Чей-то голос с реки. Не видать никого.
А потом присмотрелись, увидели вдруг,
Среди тёмных снегов различимый едва
Силуэт человека. При яркой луне
Он всё лучше виднелся на русле реки.
Стали ждать. Человек ближе, ближе спешит.
Весь в снегу, видно, падал дорогой не раз.
Вот уж к стану свернул. Вот на берег взошёл.
– Слава Богу! – сказал и свалился без чувств.
– Ну-ка, Клим, подержи! – Фёдор факел отдал.
Подошёл к человеку, легко подхватил
И к воротам понёс. Клим калитку открыл.
Все вернулись назад. В доме, возле огня,
Человека получше смогли рассмотреть.
– Братья, это ж Фома, – инок Тихон сказал.
Смотрят: правда, Фома. У Фомы же теперь
Голова, борода, брови, нос и усы,
Всё от инея белое; щёки его
Белый иней покрыл. А одет был Фома
Лишь в исподнюю рваную, в рваных штанах,
Да в какой-то чужой армячок, не с плеча.
На ногах же два валенка разных торчат.
Он очнулся, дрожит, только зубы стучат.
– На-ка, водки! – Варнава полчарки поднёс.
Да стащили армяк, да раздели всего,
Да растёрли, как следует, водкой его.
Смотрят, вроде ожил.
– Что случилось с тобой? –
Тут Фома вдруг заплакал, затрясся в слезах.
Дали водки ещё, чтобы нервы ему
Успокоить совсем. Выпил водки Фома,
Вытер слёзы ладонью, потом говорит:
– Вот теперь, братцы, знаю, что Бог-то глядит
Всякий раз на несчастных и злобных людей
С высоты-то своей… всякий час он глядит
И в тоске ожидает, чтоб сердцем-то мы
Обернулись к нему, перестали грешить…
Всякий час, всякий миг ожидает в тоске
Он пропащую душу… и рад ей помочь… –
Помолчал тут Фома, а потом говорит:
– Дайте водки ещё. Долог будет рассказ.
Я в душе уж теперь отогреться хочу,
Растопить весь свой лёд, что на сердце имел… –
Дали водки ему. Выпил водку Фома,
Сел поближе к огню и повёл свой рассказ:
– Я и дровни, и лошадь удачно продал.
Обманул мужика, взял дороже цены.
Он почти что и торга со мною не вёл,
Как я цену назвал (а загнул хорошо),

Так он цену всего лишь чуть-чуть и спустил.
Я и рад был, что ловко его обманул.
Да и лошадь-то эта была не моя,
А сестры. Думал, что ж, нам обоим барыш.
Взял в тележном ряду я салазки; на них
И зерна, и крупы три мешка навалил,
Привязал, да попонкой укрыл, и повёз.
А и дорого стоит же нынче зерно!
Да детишкам немного баранок купил.
А остатки-то денег за пазухой скрыл.
Лишь из города вышел, смотрю: тот мужик
На моих-то, на дровенках, трогает в путь.
– Ты куда? – говорит мне.
– Да вниз по реке.
– Ну, цепляй свои санки, поедем вдвоём.
Мне хоть тут недалече, а всё подвезу… –
Я и рад, зацепил. А на дровенках он
Больше мóего всякий товар накупил.
Помню, я позавидовал даже тогда:
Вот, мол, лошадь мою, не торгуясь, купил,
Да товара набрал втрое больше, чем я.
– Видно ты, брат, богат, – говорю я ему. –
Вон, товару набрал… да и лошадь купил…
– Не богат, и не беден, – сказал он в ответ. –
Это всё не моё, всей деревне везу... –
Так мы едем вдвоём, говорим да поём.
Я и думаю: «Вот ведь, лошадка моя
И назад повезла, хоть продал я её».
Мы по правому берегу ходко бежим.
Только вдруг у развилки лошадку-то он
Придержал. Там дорога делилась на две.
Тут он мне говорит:
– Ну, покуда, прощай.
Мне, вон, вправо дорога, тебе – вдоль реки… –
Так расстались. И думаю я: ничего,
Уж до стана, до вашего, всяко дойду,
Заночую, а утром и дальше, домой.
Только вскоре такая метель поднялась,
Что и зги не видать. И идти тяжело.
Шаг шагну, а меня так и тянет назад.
Я уж сам не пойму: я иду ли вперёд,
Или просто на месте стою и топчусь?
Ни дороги не видно, ни даже саней:
Всё одна круговерть, словно леший шалит.
Вдруг смотрю, что такое: уткнулся в сосну.
Матерь Божья! Неужто я сбился с пути?
Чуть и в бок подаю, снова: в дерево лбом.
Что за леший? И как же я в лес-то зашёл?
А стемнело уже, да ещё и метель.

Скоро ночь. И стоять-то на месте нельзя.
Я уж чуть ли не плачу, иду наугад.
«Матерь Божья, – твержу, – выноси ты меня».
Уж и времени счёт я совсем потерял.
Где и сколько плутал, не могу и сказать.
А потом лбом упёрся во что-то, смотрю:
Будто это ворота. Стучу, что есть сил.
Уж подумал сначала, что к вам я пришёл.
Только слышу, залаяли псы во дворе.
Понял я: то не скит. Но впустили меня.
Поначалу-то, в доме, смотрю, лишь старик
Да старуха его, да их дочь, да дитё.
Говорю, так и так, заплутал, мол, в метель.
Ничего, разрешили у них ночевать.
И за стол посадили, и водки несут.
Говорю: «А отец-то у деточки где?»
Во дворе, отвечают. Сейчас, мол, придёт.
И действительно, входит здоровый мужик.
Да садится за стол. Да весёлый такой,
Будто очень мне рад. Разговоры пошли.
Кто такой и откуда? Чего, мол, везёшь?
Я под водку-то честно им всё рассказал;
И похвастал, что я мужика-то надул,
Что, мол, лошадь-то дорого очень продал,
Да на ней же обратно и ехал ещё…
Ну, наелся, напился. Меня отвели
В одну комнатку: вот, мол, ложись и поспи.
А молодка-то, та мне сама говорит:
– Отдыхай. Рано утром тебя разбужу.
Прохор, муж мой, с утра едет вниз по реке
Аж до Шанзы. Тебя подвезёт по пути. –
Об удаче такой я не мог и мечтать.
Дали свечку, ушли. Спи, мол, гость дорогой.
Стал ложиться я, вижу: в постель-то бельё
Положили не свежее как для гостей,
А такое, что в пору и выбросить вон.
А подстилка и вовсе такого сукна,
Хоть свиней на ней режь. Лёг, и сон не идёт.
Только слышу сквозь вьюги стихающий свист,
Непонятные звуки: как будто весной
Точат косы косцы на лугах у реки:
Шик да шик, шик да шик. Звуки ровно идут.
Что такое? Прислушался. Слышу ясней:
Шик да шик, шик да шик. Вьюга стихла совсем.
И теперь только звуки в ночной тишине
За стеною слышны: шик да шик, шик да шик…
Тут и понял я, братцы: да это ж они
Топоры свои точат, зарезать хотят.
Тут-то всё и сошлось у меня в голове:

И подстилка, чтоб кровью не пачкать кровать…
Ну а я-то, дурак, всё ведь им рассказал.
Значит, поняли: денежки есть у меня…
Вот попал, так попал. В миг один протрезвел.
Подошёл было к двери, да дёрнул её.
Заперта! Всё, в ловушке: не выйти теперь.
Что же, думаю, делать? Кричать, смысла нет,
Только смерть и ускорил бы криком своим.
Тут-то понял я, чем промышляют они
В этом доме своём у дороги в лесу.
Уж теперь я сполна заплачу за ночлег.
Я в окошко хотел было. Только окно
Заколочено вовсе. И я-то стою
Лишь в исподней одной да в штанах, босиком.
Огляделся, а в комнатке нет ничего:
Ни ножа, ни гвоздя, чем себя защитить.
Лёг тогда на постель, на подстилочку я,
На предсмертное ветхое ложе своё,
Николаю Угоднику только молюсь
Да и с грешною жизнью прощаюсь своей.
Всё уж, думаю, нету спасения мне.
И такая меня охватила тоска
И всемирная скорбь, что сказать не могу.
Мне минуты-то долгими были тогда.
Много я передумал, всю жизнь перебрал.
Для чего же я жил? Чтоб погибнуть в лесу?
Для чего продавал я лошадку сестры?
Для чего шёл назад? Лишь за смертью своей?
Почему же любовью не можем мы жить,
А готовы друг друга убить за медяк?
Ведь и я согрешил: обманул мужика,
Продал лошадь дороже цены-то её.
Говорят: не обманешь, так, мол, не продашь…
А обман есть обман. Перед Богом то – грех!
Вот теперь я лежал и молил за себя…
Тут и понял я: Бог-то взирает на всех
И скорбит… как скорбит он о наших сердцах!
Тут поистине, братцы, всемирная скорбь!
Ведь не хочет пропащая наша душа
В благочестии жить и творить лишь добро.
Ведь готовы скорей обмануть, обобрать,
И при этом считаем, что Бог-то за нас,
Раз уж дал обмануть, обобрать, оболгать!
Вот ведь как мы живём... Разве я жил не так?..
Дайте водки ещё. Душу холодом жжёт.
Кто я был? Для чего? Я ведь жил, как они.
Разве только убить не решался ещё… –
Дали водки ему. Выпил водку Фома.
Лишь слегка захмелел и продолжил рассказ:

– Ну, лежу. Слышу, с двери снимают засов.
А надежда-то всё ещё тешит меня.
Всё надеюсь, что вдруг сам себе я внушил
Страх-то этакий. Бабы ведь там, да дитя…
Между тем дверь открылась без скрипа совсем.
Притворился я спящим, прищурил глаза.
Сам-то вижу, вошли: Прохор, с ним и старик,
Да ещё двое дюжих каких-то парней.
Видно, прятались где-то, пока я гостил.
Светят свечкой, мол, сплю я уже, или нет.
А в руках-то и впрямь у двоих топоры,
А у Прохора нож в пол-аршина длиной.
А старик-то и так, со свечою стоит.
Вот и смертушка, думаю. Сам всё сильней
Николаю Угоднику только молюсь.
Уж готов во всё горло ему закричать:
«Помоги мне, угодник! Спаси, Николай!..»
А и крикнуть боюсь, чтобы смерть-то свою
Не ускорить. Лежу, словно агнец, молчу.
Вот уж, вижу, старик-то кивнул одному.
Тот ко мне подошёл и заносит топор.
Оборвалось тут, братцы, и сердце моё:
Всё, прощай, белый свет! Я зажмурил глаза,
Чтобы страшного мига не видеть совсем.
А кругом тишина! Всё равно, что в гробу.
И они все молчат. Хоть бы слово одно…
Только сердце моё словно колокол бьёт.
И как будто бы стук отдаётся в окне.
А потом слышу: точно, в окно-то стучат!
Да так сильно, глядишь, ставни выбьют вот-вот.
У меня аж мурашки по телу пошли.
Я глаза-то открыл. Надо мною стоит
Этот дюжий детина и держит топор.
Но едва лишь стук смолк, слышим голос мужской:
«Эй, Фома, на минуточку выйди ко мне!»
Я смотрю, все опешили, молча стоят.
А свеча-то трясётся в руке старика.
Сам я думаю: кто бы меня мог найти?
Не мужик ли, которого я обманул?
Может, понял, что лошадь не стоит цены,
Да вернулся назад, да меня отыскал.
Так за это ему я все деньги отдам,
Что на поясе есть. Лишь бы спас он меня.
Ну уж, думаю, медлить теперь мне нельзя.
Только сел на кровать, чтобы встать и идти,
Вижу, дюжий детина топор-то опять
Чуть повыше поднял, чтоб ударить верней.
Тут же с улицы снова, да грозно, кричат:
«Выйди! Срочное дело! Мне некогда ждать…»

И в окно-то стучат так, что дом ходуном.
Все опешили. Я уж тут мешкать не стал.
Проскочил между ними, да сразу к дверям.
Только вижу, где вещи-то я оставлял,
Там уж убрано всё, ничего моего:
Ни тулупа, ни шапки, ни валенок нет.
Как и не было гостя-то вовсе у них.
И мешков моих нет, и салазок моих.
Я схватил, что попало, какой-то армяк,
Да какие-то валенки, да и – во двор!
Так из дома и выскочил. Ночь-то ясна,
Словно день. И луна необычно ярка.
Снег кругом серебрится, и каждая тень,
Выделяется будто бы днём. Я смотрю:
Там, где спаленка… там, где стучали в окно,
Снег-то свежий лежит, нет следов никаких,
Ни у самого дома, ни даже вокруг.
А луна так и светит: смотри, мол, смотри!
Нет следов никаких, только снег… ровный снег…
Тут я, братцы, и понял, что это меня
Никакой не мужик здесь от гибели спас,
А Никола Угодник ко мне приходил,
Чтобы грешную душу мою защитить.
Я метнулся к воротам, а там на меня
Ихний пёс как набросится. Прямо в живот
Мне клыки и вонзил. Только там у меня
Пояс с деньгами был. Вот и спас он меня.
Я от пса на ворота-то еле залез.
Он с меня только пояс сорвал и упал.
Да всё скачет, всё рвётся. К нему уж бегут
И другие собаки. Я быстро с ворот
Соскочил, да и – в лес! Что есть духу бегу.
Сам же думаю: пустят за мною собак,
По следам-то они меня быстро найдут,
Разорвут на куски, словно зайца в лесу.
И бегу, что есть сил, уж не знаю, куда,
Лишь бы дальше от этого дома, скорей.
Позади за спиной только лай заливной
Псов свирепых мне слышался. Вскоре и он
Стал стихать, отдаляться. И смолк. Лишь тогда
Оглянулся я: нет ли погони за мной?
Да и вижу: не только погони-то нет,
Но и нету за мною следов никаких!
Только девственный снег освещает луна,
Будто я не по свежему снегу бежал,
А по воздуху. Страх тут меня охватил.
Я под ноги себе посмотрел, чтоб узнать:
Не вишу ли на воздухе? Вдруг, в тот же миг,
Провалился я в снег, даже выше колен.

Тут я понял опять: от собак меня спас
Сам Угодник; унёс, не оставив следов.
Благодарность Угоднику тут я воздал.
Сам стою, отдышаться никак не могу,
Сил уж, чувствую, нет, чтобы дальше бежать.
А вокруг только лес, только снег да луна.
И куда мне идти, сам не знаю теперь.
Только вижу, в деревьях какая-то тень
Промелькнула и скрылась во мраке лесном.
А потом волчий вой слышу с той стороны.
Так меня до костей дикий страх и пробрал.
И не знаю, откуда уж силы взялись,
Побежал я опять. Всё бегу и молюсь:
Выноси, мол, Угодник, святой Николай!
Помоги мне в лесу от волков убежать.
Справа мне показался просвет небольшой,
Я – туда. Вдруг, гляжу, там два волка стоят.
Я – от них что есть сил. По сугробам бегу.
Долго этак бежал. Тут деревья-то вдруг
Расступились, гляжу: вышел прямо к реке.
По широкому руслу Ветлугу узнал.
Слава Богу, уж думаю, вот и река.
Ох, и рад я ей был, нашей дивной реке!
Берег правый, а значит: мне вправо бежать.
Оглянулся и вижу: из чащи лесной
Наблюдают за мной огоньки волчьих глаз.
Я последние силы собрал и – к реке.
Да по руслу бегу, утопая в снегу.
Всё же, думаю, место открытое здесь,
Для волков не привычное. Только, гляжу:
Ничего, и они на Ветлугу идут,
Да за мною бегут позади не спеша.
Двое их. Понимают, что силы мои
На исходе. Они не спешат нападать.
Только сами всё ближе и ближе ко мне.
Я уж падал не раз, да подняться спешил.
Так бегу и бегу, да всё Бога молю.
Уж не знаю, и времени сколько прошло.
Весь промёрз, весь дрожу. И всё кажется мне,
Будто я не бегу, а плетусь кое-как.
Где же, думаю, стан ваш? Глазами-то я
Всё на берег гляжу, крест увидеть хочу.
Да и сил уже нет. А назад оглянусь,
Вижу, волки всё ближе и ближе ко мне.
Вот уж, думаю, всё! Вдруг увидел вдали
Будто справа мне крест освещает луна
На крутом берегу. Из последних уж сил
Я к кресту побежал. Тут гляжу: из ворот
Вы идёте с огнём. Я тогда закричал

И – на берег скорей. Вижу, волки за мной.
Вот уж прыгнуть готовы. Тут силы мои
И иссякли. Уж как вы меня и спасли...
Как волков отогнали… не ведомо мне. –
Клим похлопал его по плечу и сказал:
– А волков никаких и не видели мы.
Ты по руслу реки-то один прибежал.
– Как один?!
– Да вот так. Фёдор, ну-ка, скажи.
– Правду Клим говорит. Мы при свете луны
Лишь тебя различили на белом снегу.
Ни волков, ни следов их не видели мы.
– Как же так? Не с ума же я, братцы, сошёл. –
Тут Варнава, подумав немного, сказал:
– То не волки. То верно из леса тебя
Выводил сам Угодник, святой Николай.
Он волками тебя подгонял, направлял,
Чтобы ты не остался в лесу, не замёрз.
– А ведь верно! Уж сам бы я так не бежал.
И не вышел к реке. И замёрз бы в лесу. –
Тут Фома призадумался. Вдруг говорит:
– Нет, в деревню назад я теперь не вернусь.
Лишний рот им не нужен, а мне – лишний стыд.
Пусть уж лучше погибшим считают меня…
Разрешите мне, братцы, остаться у вас!
Уж теперь должен я все грехи отмолить,
Должен Богу служить за спасенье своё. –
И когда все задумались: как поступить,
Разрешить или нет; Фёдор тут говорит:
– Пусть Фома здесь останется Богу служить.
Петька ж с нами тогда сможет дальше пойти,
Как снега отойдут, и проснётся река.
В стане помощи больше окажет Фома,
Чем мальчишка, и Климу сподручнее с ним.
– Это верно! Мальчишка ещё маловат. –
Поддержал его Клим. – С ним самим-то водись…
– Вот уж радость-то Петька услышит с утра! –
Засмеялся Макарий. – А то он весь день
О спасении Бога молил, не хотел
Расставаться с Шарьинцем.
– А мы же, Фома,
Рано утром пойдём и отыщем тот дом, –
Предложил тут Шарьинец. – Я их отучу
Грабить путников, честных людей убивать…
– Что ты, Фёдор?! Да где ж мы отыщем его,
Этот дом? Я не знаю дороги туда.
Да и мстить не хочу. Бог им будет судьёй.
Об одном я жалею: теперь не смогу
Своим близким помочь. Ждут с товаром меня

Мать старуха, сестра, да её больной муж,
Да её трое деток. А всех остальных
Уж сырая земля навсегда прибрала…
– Ничего. Мы из наших запасов дадим, –
Инок Тихон сказал. И одобрили все. –
Соберём хоть немного, чтоб им до весны,
До тепла чтоб дожить. Ты им сам отвезёшь.
Если хочешь, так Фёдор проводит тебя. –
И Фома тут заплакал, и руки хотел
Целовать он монахам. Не дали ему.
А Варнава затем так добавил ещё:
– Ты с родными прощаться не больно спеши,
Всё обдумай сначала. Ведь Богу служить,
Значит: дело мирское оставить совсем.
На кого же оставишь ты мать и сестру,
Её мужа больного да малых детей?
Так что ты до весны поживи у родни.
Всё обдумай. Таков тебе первый наказ.
Если вдруг и в миру ты останешься жить,
Ничего. Значит там ты для Бога нужней.
Ну а если ты твёрдо решишь свою жизнь
Посвятить только Богу. Тогда уж сюда
Возвратишься весной. Мы тебя будем ждать… –
До утра в этот раз все остались в скиту.
Разместились на лавках и Клим, и Слепой;
А Фому положили на тёплую печь.
Грелись кости его, но казалось Фоме,
Что не тело ему греет русская печь,
Греет душу замерзшую здешним теплом…

3. Слава дерзанию

Извелась, истомилась под снегом земля;
Вот посланников первых шлёт к солнцу она:
Из-под снега выходят в ветлужских лесах
Стайки нежных подснежников, первых цветов.
Наступила весна. Зажурчали ручьи,
Устремили к Ветлуге потоки свои.
Льда оковы давно уж хотела сорвать,
Возбуждённая солнцем весенним река.
Долго силу копила она для борьбы.
И борьба началась. И река поднялась.
Лёд трещал, но держался. И всё же не мог,
В тесных рамках сдержать полноводной реки.
Уступил, надломился, треща и скрипя.
И река ожила. Вот, вздохнула она
Полной грудью, и лёд понесла по волнам,
И запела привычную песню свою,
Наполняясь ручьями и талой водой…

Рано утром, и солнце ещё не взошло,
Уж Слепой по привычке стоял у креста
И молился. И слушал он песню реки.
Слушал дивное пение утренних птиц,
Что проснулись с зарёй, встретить солнце спеша.
Много лет темнота окружала слепца,
Только звуки ещё говорили ему,
Что проснулась река, что восход настаёт.
Только чувства ему говорили теперь
О тепле и о свете. Глазами его
Стали руки и уши. Давно он привык,
Что вокруг только мрак, и что только во снах
Видел он краски мира: закаты, цветы…
И во мраке его память прежних времён
Рисовала все краски, что помнил слепец.
И когда слушал он песни птиц поутру,
Знал слепец, что они предвещают восход,
Что вот-вот он почувствует солнца тепло
На затылке своём. Он тогда вспоминал,
Как красив должен быть этот новый восход,
И как ярко вокруг озаряет весь мир
Солнце светом своим. Вот Слепой встал с колен
И к кресту подошёл, и прижался к нему,
Поднял руки, нащупал святой постамент,
На котором покоились ноги Христа.
Деревянные ноги. Руками слепец
К ним приник, он давно уже их изучил,
Как свои. Выше он дотянуться не мог.
Но в уме представлял он, как смотрит с креста
На него изваянный оживший Христос,
И как хочет сойти он с креста своего
И Слепого обнять, пожалеть, приласкать;
Снять рукою печали и немощь его…
Но мешает распятие! Прочно к нему
Он гвоздями прибит! Не сойти, не обнять!
– Боже! Боже! – молился и плакал слепец. –
Дай увидеть твой лик! Дай увидеть твой свет!
Если нужно, совсем мою душу возьми,
Только дай мне хоть раз напоследок взглянуть
На прекрасный твой мир, на Ветлугу, цветы…
Ах, когда бы все люди за дерзость свою
За грехи, за бесчестие стали б слепы!
И не видели б красок вечерней зари,
И цветов на лугу, и осенней красы
Разноцветной листвы… и лица своего!..
Уж тогда бы они перестали грешить,
Оценили бы мир, этот рай на земле!
Оценили бы свет самой малой свечи,
Что горит в темноте; свет далёкой звезды,

Что на небе ночном незаметна почти;
Оценили бы травки зелёной красу,
Даже курицы глупой цветное перо…
А когда б искупили трудами грехи,
Вот тогда возвратить им и зрения дар.
Боже! Боже! Зачем людям дал ты глаза?
Ведь они и со зрением словно слепцы
Всё блуждают во тьме и не видят красы
Мира этого! Ах, если б каждый ослеп
Хоть на месяц, на день! Он бы понял тогда…
Много лет я вокруг вижу лишь темноту.
Бунт сначала она вызывала во мне:
Почему я ослеп? За какие грехи?
Почему только я, есть грешнее меня?
Проклинал я тебя, Боже правый! Прости.
Я теперь изменился. И много ходил
Я по миру, и многих я слушал людей.
Пел им песни, но люди не слышали их.
Часто, часто просили, чтоб спел о любви,
Но умели любить люди только себя,
И не знали любви, и не жили любя.
Нет, давно уж теперь я оставил свой бунт,
Потому что во тьме видел дальше других.
Я страданья свои почитаю как дар…
Только, Господи Боже, как тяжек он мне!
Хоть привык я к нему, но хочу всей душой
Вновь увидеть восход, облака в небесах…
Вот полгода уже я сюда прихожу,
Припадаю к твоим изваянным ногам…
Знаю, знаю, грешно мне роптать на судьбу
Перед тем, кто распят и висит на кресте.
Боже! Боже! Прости, если можешь, меня!
Что страданья мои? Я и сыт, и одет… –
В этот миг вышло солнце, лучами оно
Ветви старой берёзы зажгло, как огнём.
И на самой верхушке как будто пожар
Запылал ярко-розовый. Ниже ещё
Свет спустился, лишь солнце чуть-чуть поднялось.
И всё больше ветвей загоралось огнём.
Вот, верхушка креста в ярко-розовый цвет
Вдруг окрасилась солнечным светом. И так:
Солнце выше встаёт, свет спускается вниз.
Вот, терновый венец ярко-розовым стал.
Вот, лицо у Христа осветили лучи.
Вскоре солнца лучи доползли и до ног.
И тепло их руками слепец ощутил,
Так как он всё держался за ноги Христа.
– Вот и солнце! – сказал он. Молитву свою
Прекратил. Только чувствовал, как по рукам

Опускается ниже и ниже тепло,
И вот-вот уж дойдёт до его головы.
– Слава Господу! – он прошептал, и поднял
Вверх лицо и поднялся на цыпочки сам.
Много раз так он солнце встреча у креста,
И тепло его с жадностью кожей ловил.
И теперь точно так же хотел ощутить
Ласку первых лучей благодатного дня.
Но лишь только затылка коснулись лучи,
Яркой вспышкой глаза обожгло у слепца.
Он вскричал и упал у подножья креста,
От испуга глаза прикрывая рукой.
Клим на крик прибежал:
– Что случилось, Слепой?
Почему ты лежишь, закрывая глаза? –
Тут Слепой руку отнял от глаз, и сказал:
– Нет, мой друг, ты Слепым уж меня не зови.
Имя новое я избираю себе.
Я отныне Азарий, или Светозар.
Мне сегодня Господь мира свет возвратил.
Я дерзнул и молил, в вере твёрдо стоял.
И теперь, хоть ещё не совсем хорошо,
Я лицо твоё вижу! А вон, посмотри,
К нам монахи спешат. Это верно они,
Хоть до этого часа не видел я их,
Только слышать мог добрые их голоса… –
Клим себя окрестил троекратным крестом
Да Слепому подняться помог. А затем
Посмотрел: верно, к ним и монахи спешат.
Он Слепому сказал:
– Прав ты, брат… Светозар.
Это точно они. Ты и, правда, прозрел! –
А когда к ним монахи, спеша, подошли,
Инок Тихон сказал:
– Я увидел в окно,
Как Слепой вдруг упал, прикрывая глаза.
Сразу братьям сказал я, что возле креста
Приключилось чего-то, быть может, беда.
Видим, Клим уж бежит. Поспешили и мы…
– Не беда, чудо, чудо! Прозрел наш слепец! –
Сообщил Клим монахам. Монахи себя
Окрестили крестом. А слепец подошёл
Ближе к инокам, кротко на них посмотрел:
– Как ты рыж, Тихон, брат! А ведь я-то считал,
Что ты чёрен как смоль. Если б голоса ты
Не подал, не за что бы тебя не узнал. –
Тут к Макарию иноку он подошёл,
И зажмурил глаза, и ладонью своей
По лицу у Макария нежно провёл:

– Ты – Макарий. Теперь и тебя я узнал. –
А затем посмотрел на Варнаву слепец:
– А тебя, значит, друг мой, Варнавой зовут...
– Ах, Слепой!..
– Не Слепой я, Варнава, теперь.
Имя новое нынче ко мне снизошло.
Я теперь брат Азарий, в миру – Светозар.
Так меня, братья, вы и зовите теперь.
Где же Фёдор с Петром? Я хочу посмотреть,
На их милые лица...
– Сегодня они
На охоте с утра. Вот уж их удивишь!.. –
Светозар же, опомнившись, тут отошёл
От монахов и снова приник он к кресту.
И смотрел на Христа, что висел на кресте,
И молился Христу, плача возле креста.
Благодарность он Богу за всё воздавал.
Вместе с ним и монахи молились, и Клим.
Светозара затем в светлый скит увели,
Да просили подробно о том рассказать,
Как случилось, что зренье вернулось к нему.
Светозар рассказал, а потом говорит:
– Как приятно на лица мне ваши смотреть!
Как давно я не видел во мраке своём
Человеческих лиц! Вот где пытка, друзья!
Ни улыбок не видеть, ни взглядов… лишь мрак.
Только мрак! И всё звуки да звуки кругом…
Переполненный разными звуками мир!
Тишина – лишь для зрячих. Слепому же нет
Тишины в этом мире. Мир звуков вокруг!..
Я уж стал забывать, как прекрасен наш мир,
Как приятно так просто глядеть на людей,
На их лица, одежду, на всё, что вокруг…
Только ради бы этого стоило жить.
Видно, зрение Бог и отнял у меня,
Потому что я зрячим был хуже слепца!
Как же Богу теперь не служить мне, друзья,
Если радость такую он мне возвратил?
Да с такою-то радостью я ведь теперь
С большим рвением буду стоять у креста
Ежедневно, и славу Всевышнему петь!
И на Божий-то мир в оба глаза смотреть,
Понимая теперь: всё вокруг хорошо!.. –
Светозар помолчал, а потом говорит: –
А ведь, братцы, не верилось раньше и мне,
Что из мрака Христос приведёт меня в свет.
Как мне знаменье было, так после того
Сколько времени кануло… только себя
За неверие сильно корил я всегда.

И решил, что уж лучше умру у креста,
Чем признаюсь в сомнении этом своём.
Я решил, что уж если дерзнул и молю,
Так с дерзанием надо идти до конца.
Я просил, чтобы мне перед смертью хотя б
Дал увидеть он свет; чтобы мне не уйти
В мрак могилы из мрака земного, и свет
Не увидеть совсем… – Светозар замолчал.
Все молчали. На сердце у каждого был
Миг прозрения, редкий, божественный миг.
Брат Варнава сказал Светозару затем:
– Брат Азарий, ты веру и в нас укрепил.
Ты дерзнул и добился. И слава тебе
За дерзание и за упрямство твоё!
Кто дерзнёт невозможное сделать, тому
Всё возможно, когда он настойчив и смел,
И когда Бога в помощь себе призовёт,
И когда Бог ответит дерзанью его.
Невозможного мало! Прозреет слепец,
И немой обретёт голос крепче, чем сталь,
Если с Богом дерзать. Братья, будем и мы
В нашей вере тверды. Нам ещё предстоят
Много подвигов веры на нашем пути. –
А под вечер и Фёдор с охоты пришёл
Вместе с Петькой и соколом. Дичь принесли.
Лишь они за порог, Светозар говорит:
– Вот кормильцы пришли! Много дичи несут.
Отрок Пётр, что за птицу ты держишь в руке?
Фёдор, а у тебя на ремне что за дичь?
– Как ты видишь, Слепой, что в руке у меня?
Петька тут же спросил. Ну а Фёдор сказал:
– Это шутка. Монахи, наверно, ему
Подсказали, увидев в окно, как мы шли. –
Снял он сокола левой рукой, посадил
На шесток; дичь на стол положили они.
Птицу малую, ту, что у Петьки была
Дал он соколу, голод его утолить.
– А когда же монахи успели сказать,
Что ты Финисту Петькину птицу отдал? –
Вновь спросил Светозар. Фёдор оторопел.
– Ты, брат, видишь?! Прозрел?! Ну-ка, сколько тебе
Покажу сейчас пальцев? – И Фёдор ему
Показал два лишь пальца на правой руке.
Светозар улыбнулся. Как счастлив он был
Сам себе подтвердить, что он вовсе не слеп:
– Два молельные пальца молельной руки, –
Отвечал Светозар. И Шарьинец сказал:
– Что за чудо?! И верно, ты видишь, Слепой!
– А раз вижу, какой же Слепой я тебе?

Нет, теперь называй Светозаром меня,
Или братом Азарием. Бог мне помог,
Озарил меня светом, и вот: я прозрел. –
А затем вновь рассказы, расспросы пошли,
А потом был и ужин весёлый у них.
И тогда порешили они: этот день
Каждый год отмечать у святого креста
Всем, кто будет здесь жить, будет службу нести.
Днём Прозрения светлый тот день нарекли.
Много лет после них ко святому кресту
Приходили слепцы. Говорят, что из них
Прозревали лишь те, кто душою был чист.
А пока дружный ужин был в светлом скиту
В честь прозрения. А о грядущих годах
Не гадали друзья за широким столом;
Ели, пили и дружбой гордились своей…
Через день лёд с Ветлуги совсем уж сошёл,
Но река всё питалась водою снегов.
Стали дни всё теплей и светлей, и длинней.
Снег чернел и редел, и почти весь пропал.
Лишь в лесах оставались сугробы лежать
В тёмных чащах. Но таяли всё ж и они,
Ежедневно сдаваясь на милость весне.

4. Уважение просящим

Широко разлилась в половодье река;
Затопила свои заливные луга,
Развалила запруды, сломала мосты;
Много всяких проказ учинила вокруг.
Но однажды вернуться решила зима
И метель принесла. Всё кругом замело.
И совсем почерневшая было земля
Вновь окуталась в чистый и белый покров.
Лишь Ветлуга темнела в пустыне снегов,
Не сдавая позиций: снег таял в воде.
Лишь метель затихала в порывах своих,
Как сквозь тучи вдруг солнце дарило тепло.
Фёдор вышел на двор, огляделся кругом
И присвистнул: повсюду бело, как зимой.
Светозар же стоял, как всегда, у креста.
Утро каждое он так и будет стоять
До скончания дней. Дал такой он обет.
Чуть утихла метель. Светозар весь в снегу,
Будто сам снеговик вдруг ожил у креста.
Фёдор вывел коня, чтоб дозором своим
Осмотреть, что творится в округе: в лесах
Да в полях; на дорогах, на тропках вокруг.
Он доспехи надел, свой испытанный шлем;

Взял и оба меча, и со стрелами лук.
Взял и сокола Финиста. Вышел в дозор.
Хорошо оставлять на снегу свежий след
От копыт удалого коня, и скакать
По просторам ветлужским: широким полям,
Да по диким лесам, по тропе вдоль реки.
Застоявшийся конь удаль рад показать,
Поиграть своей силой, бока поразмять.
А метель вновь усилилась. Тут же следы
Замело, как и не было здесь никого.
Так весь день: то метёт, то затихнет метель,
И сквозь тучи опять светят солнца лучи,
И на мокрой земле тает выпавший снег.
Под копытом коня уж не твердь и не наст,
А раскисшая грязь приветлужских земель.
Кое-где уж и зелень под снегом видна.
Высоко в небесах пролетел между туч
Клин гусей, что вернулись в родные края
Из далёких земель. Крики радости их
Далеко разносились над лесом родным.
Возле старицы тихой в приречном лесу
На утиную стаю набрёл богатырь.
Тут уж соколу Финисту он говорит:
– Ну-ка, друг мой, здесь можешь ты крылья размять!
Показать свою удаль и утку поймать. –
Встрепенулся и крылья расправил сапсан.
И неслышно взлетел. Вот над старицей крик
Перепуганных уток разнёсся в лесу.
Вскоре селезня Фёдор к седлу прикрепил.
– Молодец, Финист, друг! Ты охотник лихой!
Не оставишь голодным и в тягостный год.
Будет к ужину жирный утиный навар. –
А потом в поле быстрого зайца поймал
Сокол Финист. И заяц повис у седла.
Видел Фёдор на выпавшем свежем снегу
Лося след, а за ним и медвежьи следы.
Всю округу объехал на быстром коне
Славный Фёдор. Дошёл он до Пыстюг-реки,
Возле дальнего леса, где был мелкий брод.
Перешёл реку вброд на своём скакуне,
Лишь сапог замочил. Вышел на берег он,
Чтоб за Пыстюгом тоже дозор провести,
А к обеду и в стан возвратиться успеть.
Обскакал не спеша он за Пыстюг-рекой
До Ветлуги весь угол лесов и лугов.
Всё спокойно кругом. Возвращаться пора.
Снова ветер поднялся и снег повалил,
Будто вьюжный февраль вдруг вернулся опять.
Но прошло пять минут: вот и стихла метель.

Снега новая порция ровно легла
На поля и луга, на деревья, кусты.
Лишь Ветлуга чернела огромной змеёй,
Что ползла, извиваясь, средь белой земли;
Её волны-чешуйки блестели, слепя,
Появлялось лишь солнце едва среди туч.
Уж хотел Фёдор к стану коня повернуть.
Тут вдруг сокол взлетел высоко в небеса
И умчался за холм, что стоял над рекой.
Крик тревожный подал он, кружа над холмом.
– Что случилось там, Финист? – сказал богатырь,
И направил коня удалого к холму.
Лишь поднялся на холм, как увидел вдали
Среди белой земли возле тёмной реки,
Укрываясь от снега, в весенней грязи
Люди тащат свой скарб, с ними дети идут.
Сколько их, Фёдор даже не стал и считать.
Он направил навстречу лихого коня.
Лишь поближе подъехал, столпился народ,
Испугался. Попрятали бабы детей.
Рыжий пёс звонким лаем его повстречал,
Так и прыгал, как бес, возле ног скакуна.
Мужики окружили испуганных баб,
Кто за вилы схватился, кто взял и топор.
– Кто таков!? – слышит Фёдор. И голос ему
Показался знакомым. Он ближе ещё
Подпустил своего удалого коня.
– Хватит! Ближе нельзя. Отвечай, кто таков! –
Вилы тут ощетинились, словно ежи,
Для острастки поднялись в руках топоры.
– Вы-то сами, откуда? – спросил богатырь.
Он смотрел на иззябших, усталых людей,
С головами укрытых в метельном снегу.
Жалкий скарб, что тащили они за собой
На телегах и санках, и без лошадей,
Тоже был свежим снегом метельным покрыт.
Видит, первый мужик почесал в голове,
Почесал в бороде и в усах, да сказал:
– Нет уж, ты к нам подъехал, так ты и ответь! –
Фёдор тут же узнал предводителя их,
И с улыбкой сказал, обращаясь к нему:
– Что, Фома, уж спасителя ты не признал?
Ну-ка, шлем я сниму. Вот, теперь посмотри… –
В это время и сокол спустился к нему.
Посадил его Фёдор себе на плечо.
Тут Фома догадался, кто был перед ним.
Радость вдруг охватила такая его,
Что и вилы свои он отбросил; они
В землю свежую мягко вошли остриём,

Покачнулись слегка и застыли. Фома
Повернулся тут к людям своим и вскричал:
– Это ж Фёдор, ребята! Ведь это же он!
О котором рассказывал вам столько раз!
Из Воздвиженья Фёдор… – И к Фёдору вновь
Повернувшись, сказал: – Ну а мы идём к вам! –
Люди радостью все переполнились тут.
– Слава Богу, дошли, – слышал Фёдор слова.
– Где же ваша скотина? – спросил богатырь
Мужиков, что в телегу впряглись вчетвером.
– Так зимой ещё съели… и даже собак. –
Отвечали усталые люди ему. –
Этот, Рыжик, прибился к нам только вчера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.